

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 4 (23)

2025

В. Ю. Даренский

Метафизика М. М. Бахтина

УДК 1(470)(091):82.0
DOI 10.47132/2588-0276_2025_4_183
EDN NMEDKE

Аннотация: В статье рассматривается мышление М. М. Бахтина как метафизика. Выделены несколько метафизических смысловых «узлов» и концепций: множественность сознаний (Я-Ты), отношения между автором и героем — как подобие Бого-человеческого отношения, концепция «не-алиби в бытии» — как первичность свободного поступка по отношению ко всем другим определениям человеческого бытия, и категория хронотопов как типов исторически воплощенного бытия и сознания. Отдельно проясняется особый христианский смысл концепции карнавала и карнавального смеха.

Ключевые слова: метафизика, М. М. Бахтин, диалог, поступок, карнавал.

Об авторе: **Виталий Юрьевич Даренский**

Доктор философских наук, профессор Луганского государственного университета им. Владимира Даля.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Для цитирования: Даренский В. Ю. Метафизика М. М. Бахтина // Русско-Византийский вестник. 2025. № 4 (23). С. 183–191.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 07.12.2025; принята к публикации 11.12.2025.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4 (23)

2025

Vitaly Yu. Darensky

M. M. Bakhtin's Metaphysics

UDC 1(470)(091):82.0

DOI 10.47132/2588-0276_2025_4_183

EDN NMEDKE

Abstract: The article examines M. M. Bakhtin's thinking as a metaphysician. Several metaphysical semantic "nodes" and concepts are highlighted: the multiplicity of consciousnesses (I am You), the relationship between the Author and the Hero as a kind of God-human relationship, the concept of "non-alibi in being" as the primacy of a free act in relation to all other definitions of human existence, and the category of chronotopes as types of historically embodied being and consciousness. Separately, the special Christian meaning of the concept of carnival and carnival laughter is clarified.

Keywords: metaphysics, M. M. Bakhtin, dialogue, deed, carnival.

About the author: **Vitaly Yurievich Darensky**

Doctor of Philosophy, Professor of Lugansk State University named after By Vladimir Dahl.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

For citation: Darensky V. Y. M. M. Bakhtin's Metaphysics. *Russian-Byzantine Herald*, 2025, no. 4 (23), pp. 183–191.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 07.12.2025; accepted for publication 11.12.2025.

Начиная с издания в 1963 г. книги «Проблемы поэтики Достоевского» М. М. Бахтин вошел в современное философское сознание не в меньшей степени, чем в сознание филологов. Главная тема и проблема, которую открыл тогда М. М. Бахтин, — это проблема множественности сознаний. Эта тема разрабатывалась «философией диалога» первой половины XX в., и обычно М. М. Бахтина относят к этому направлению¹. Особенность его состоит в том, что ему пришлось разрабатывать эту проблематику в рамках литературоведческих работ, поскольку напрямую о ней писать в СССР было невозможно в силу идеологического диктата. Тем не менее, в рамках филологии эту тему раскрыть было даже более интересно, поскольку она опиралась на герменевтику художественных текстов, в которых были даны конкретные образы «миров сознания». Для этой цели наиболее ценным был Достоевский в силу особенностей его художественного мира.

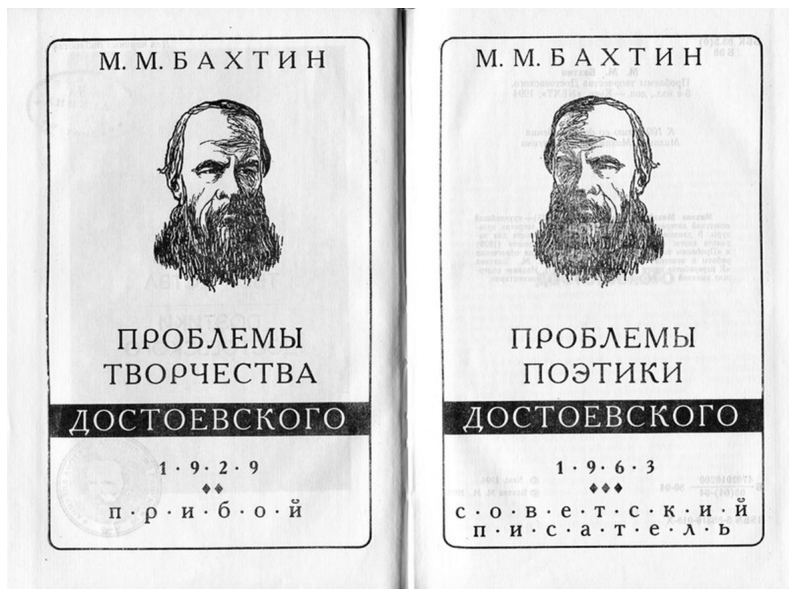
Подспудное влияние М. М. Бахтина на русскую мысль в период ее советского пленения антифилософской идеологией постоянно возрастало и стало достаточно заметным уже в 1970-е гг. Проблема множественности сознаний, разработанная М. М. Бахтиным на материале текстов Достоевского, была «отдушиной», в рамках того примитивного понимания сознания как «отражения действительности», которое господствовало в то время. Факт множественности сознаний сразу же указывал на то, что сознание — это не только так называемое «отражение», поскольку отражение должно давать одно-единственное сознание, а множественность «миров сознания» в рамках мифологии «отражения» вообще остается непонятным феноменом.

Восприятие М. М. Бахтина как теоретика множественности сознаний сохранялось вплоть до публикации в 1986 г. его ранней работы, которую условно назвали «Философией поступка». Концепт «не-алиби в бытии» и само понятие «поступка» как первичной целостности человеческого бытия, его сущностного истока, который лишь теоретически может раскладываться затем на свои отдельные содержательные компоненты (в виде морального действия, эстетического сознания и познавательной активности), также стали своего рода «революцией» в философском сознании того времени — даже несмотря на то, что оно к концу советского периода уже было достаточно искушенным в различных западных философских течениях. Здесь Бахтин был, в первую очередь, близок к философии экзистенциализма: «не-алиби в бытии» фактически является чистым смысловым эквивалентом *Dasein* М. Хайдегера. Этот текст в то время был чрезвычайно цитируемым — не в меньшей степени, чем ранее был очень цитируемым текст «Проблем поэтики Достоевского».

Михаил Михайлович Бахтин
(1895–1975)

¹ Об истоке своей философской концепции М. М. Бахтин сам «проговорился» достаточно прозрачно в следующем замечании: «Мотив встречи в религиозной сфере сочетается с другими мотивами, например, с мотивом „явления“ („эпифании“). В некоторых направлениях философии... мотив встречи также приобретает известное значение (например, у Шеллинга, у Макса Шелера, особенно у Мартина Бубера)» (*Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Его же. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 355*).

Две редакции работы М. М. Бахтина о творчестве Ф. М. Достоевского.
Изображения из издания 1994 г.

Часто цитировался в то время и текст «Автор и герой в эстетической деятельности», хотя его самые глубинные метафизические импликации тогдашним читателям не были понятны (как отмечал М. М. Бахтин, отношения автора и героя — это подобие отношения между Творцом и тварью, Богом и человеком²). Однако данная концепция совершенно иначе смотрела как на автора, так и на героя, и на читателя — а именно, смотрела через «призму» их онтологической свободы. Это давало совершенно иное понимание и художественной литературы, и культуры в целом.

Таким образом, можно сказать, что уже в советский период, когда в официальном философском дискурсе сам термин «метафизика» был ругательным, М. М. Бахтин воспринимался в первую очередь именно как метафизик. Точнее, как «окно» в сферу метафизики, официально запрещенной и трактованной тогда так, что было совершенно невозможно понять, что это такое (миф о «метафизике», созданный Энгельсом, является либо сознательной ложью, либо продуктом полного непонимания этой сферы познания).

В 1992 г. Институтом философии был издан сборник статей «Бахтин как философ»³, в которой стоит особо выделить классическую статью С. С. Аверинцева, а также содержательные статьи Г. С. Батищева и П. С. Гуревича. М. М. Бахтин «официально» был признан классиком русской философии и в этом статусе начал рассматриваться параллельно с его признанием классиком литературоведения. Наконец, с появлением книги Н. К. Бонецкой «Бахтин глазами метафизика» (2016)⁴ речь уже может идти и о М. М. Бахтине как метафизике. В свою очередь, в работах В. С. Маковцева,

² «Это, так сказать, активность Бога в отношении человека, Который позволяет ему самому раскрыться до конца (в имманентном развитии), самого себя осудить, самого себя опровергнуть» (Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // *Его же. Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство, 1986. С. 328).

³ См.: М. М. Бахтин как философ / С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др. М.: Наука, 1992. 256 с.

⁴ Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016; потом эта книга была переиздана под другим названием: Бонецкая Н. К. Бахтин как философ. Поступок, диалог, карнавал. СПб.: Алетейя, 2023.

В. Л. Махлина, А. В. Политова и Н. Д. Тамарченко философия М. М. Бахтина была четко «вписана» в традицию мировой и русской метафизической мысли⁵.

Метафизика — это концептуализация сверхматериальной реальности и тех сущностей, которые лежат в ее основе. Однако эта реальность может концептуализироваться совершенно по-разному. Философия М. М. Бахтина относится к той неклассической метафизике, в основе которой лежит возвращение к «библейскому мышлению»⁶. Н. К. Бонецкая справедливо указывает на то, что М. М. Бахтин относится не к «субстанциональной» метафизике, которая основана на концептуализации «уровней» сущего. У него осуществляется концептуализация первичного бытийного отношения человека со своим Творцом: абсолютного отношения Я и Ты, которое стоит поверх любых концептуализаций тварного бытия. Этот уровень библейского мышления в свое время В. А. Малахов предложил называть «постонтологией» — в том смысле, что он выходит за рамки классических онтологических построений «уровней» тварного сущего⁷. В этом отношении «философия диалога» близка к экзистенциализму, особенно к концепции бытия как «несокрытости» (алетейи) М. Хайдеггера⁸. Это не традиционная метафизика онтологических уровней тварного космоса. Постонтология — это метафизика свободы, которая не фиксируется в эссенциальных категориях.

Стоит отметить, что возвращение от античного эссенциализма к такому библейскому типу онтологии в европейской традиции существовало как у свв. Отцов Церкви, так и в некоторой степени в Новое время — в частности, в монадологии Лейбница и философии Дж. Беркли, который применил «бриту Оккама» по отношению к метафизической категории «материи». Это было сделано для того, чтобы вернуться к библейскому мышлению, в котором тварное сущее рассматривается в первую очередь как «посредник» между Богом и человеком, а не как самостоятельная категория, существующая независимо от этого отношения. Не пользуясь понятием материи, Дж. Беркли возвращался к библейскому пониманию бытия, в котором тварь является даром Слова Творца, а не самостоятельной сущностью, гипостазирование которой затем неизбежно приводит к подмене в мысли абсолютизированной материей самого Творца, как это произошло у Спинозы.

В наследии М. М. Бахтина можно выделить несколько метафизических смысловых «узлов» и концепций. Первые три из них уже названы, — это: 1) множественность сознаний; 2) отношения между автором и его героем — как подобие Бого-человеческого отношения; 3) концепция «не-алиби в бытии» — как первичность свободного действия поступка по отношению ко всем другим определениям человеческого бытия, поскольку «вневременная значимость... мира Истины целиком вмещается в действительную историчность бытия-события»⁹, а «ответственный поступок приобщает всякую вневременную значимость единственному бытию-событию»¹⁰. Вслед за цитированными определениями М. М. Бахтин прямо

⁵ См.: *Маковцев В. С.* Философия позднего М. М. Бахтина. Историко-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук. М., 2023; *Махлин В. Л.* «Диалогизм» М. М. Бахтина как историко-философская проблема // *Бахтинский вестник*. 2022. № 2 (8). С. 16–28; *Политов А. В.* Онтологический смысл понятия хронотопа: монография. Пермь: Изд-во Перм. политехн. ун-та, 2019; *Тамарченко Н. Д.* «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская религиозная философия. М.: РГГУ, 2001; *Ее же.* «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011.

⁶ См.: *Даренский В. Ю.* Трансформация феноменологического метода в традиции «философии диалога» // *Вестник Самарской гуманитарной академии*. Сер.: Философия. Филология. 2019. № 1 (25). С. 112–124.

⁷ См.: *Малахов В. А.* Постонтология, или Как возможна ныне философия духа? // *Международные чтения по теории, истории и философии культуры*. 2001. № 10. С. 19–31.

⁸ См.: *Даренский В. Ю.* Онтологические «шифры» философии диалога М. М. Бахтина // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2017. Т. 18. Вып. 1. С. 122–134.

⁹ *Бахтин М. М.* К философии поступка // *Его же.* Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 53.

¹⁰ Там же. С. 18.

указывает на событие Боговоплощения как на своего рода абсолютный Поступок, то есть как на акт, вмещающий в себя все указанные определения в их абсолютном, предельном смысле, — и на Христа как на «великий символ активности»¹¹, т. е. онтологически абсолютный образец человеческого способа бытия.

Кроме этого, особо стоит выделить (4) категорию «хронотопа» как в некотором смысле синтезирующую метафизику М. М. Бахтина. Понимание Я-Ты-отношения, выводящее онтологию за пределы тварного бытия, должно было быть «уравновешено» концепцией самой тварности, в которой должны быть воплощены любые свободные определения человеческого Я в его диалоге с Творцом. Именно «хронотопы» являются теми общими типами воплощения человеческой свободы, которые даны в истории и культуре. М. М. Бахтин рассматривал их в рамках литературоведческого анализа, но за определенными литературными формами у него всегда стоят хронотопы как базовые типы земного человеческого бытия — как характеристики параметров человеческого сознания в его мышлении о мире.

М. М. Бахтин ввел термин «хронотоп» («время-пространство») для обозначения особой «формально-содержательной категории литературы»: в художественном мире пространство и время являются сторонами общей и изначально целостной структуры — хронотопа, имеющего свою историческую и онтологическую типологию. Например, основу романного хронотопа составляет ориентация на незавершенное настоящее, а хронотоп эпоса определяется причастностью непреходящему прошлому. В фольклоре эти два типа едины и связаны эсхатологическим контекстом. В лирике они также едины, но объединены индивидуальным хронотопом мгновения/вечности. Поэтому хронотоп затем определяется уже как структурный закон жанра. «Автор-творец» находится вне хронотопов изображаемого им мира, и поэтому не может быть никакого «образа автора».

Как известно, сам термин «хронотоп» был заимствован М. М. Бахтиным у А. А. Ухтомского, о чем он сам упоминает в начале своей работы «Формы времени и хронотопа в романе». Философские коннотации этого термина, возникшего в естественных науках, состоят в том, что фактически он здесь обозначает то же, что в русской философии обозначалось словосочетанием «мир как органическое целое» (в книгах Н. Страхова и Н. Лосского). При этом понятие «мир» здесь переносится на любой фрагмент реальности и обозначает не эту частную реальность, а способ ее восприятия и понимания.

М. М. Бахтин отмечал, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»¹², и этим всегда определяется ценностная точка зрения как иерархическое соотношение любого жизненного явления с онтологическим «верхом» и «низом». Иерархическая точка зрения всегда дана через координаты сакральной символики «неба» («рая») и «ада» («преисподней»), поэтому любая художественная «сцена» или «картина» всегда «вписана в оправу топографической сцены, она на земле, под нею ад, над ней небо, действие и жест, совершаясь в комнате, совершаются одновременно в топографически понятой вселенной, герой все время движется между небом и адом, между жизнью и смертью, у могилы»¹³. Любой «жест воспринимался, „читался“ экстенсивно в отношении к... пределам и полюсам мира, между которыми он был простерт, вытянут (он показывал на небо или на землю, или под землю — в преисподнюю)...»¹⁴. Но затем в процессе секуляризации слова, мысли и жеста, как пишет М. М. Бахтин, уже «главным и решающим становится их экспрессивное осмысление: они становятся выражением индивидуальной души, ее внутренних глубин»¹⁵.

¹¹ Там же. С. 19.

¹² Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе*. С. 329.

¹³ Бахтин М. М. *Дополнения и изменения к «Рабле» // Его же. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4 (1). М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 687.*

¹⁴ Там же. С. 692.

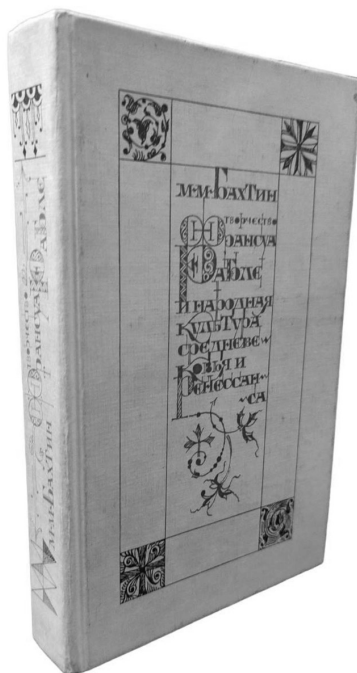
¹⁵ Там же.

Именно секуляризация создает художественное слово как отдельный, независимый от ритуала тип культурного творчества — и художественную литературу как особую автономную сферу культуры. Тем не менее, сама содержательность этой сферы, как показывает М. М. Бахтин, невозможна без сохранения реальной (хотя бы контекстуальной и бессознательной) связи с сакральным хронотопом. Именно поэтому он практикует «хронотопический подход» — чтобы проследить эту связь. Так, в романах Достоевского: «Время в этом хронотопе, в сущности, является мгновением, как бы не имеющим длительности и выпадающим из нормального течения биографического времени. Эти решающие мгновения входят у Достоевского в большие объемлющие хронотопы мистериального и карнавального времени»¹⁶.

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» (1932) фактически дана типология и метафизика культуры через оптику форм художественной литературы. Хронотоп греческого романа здесь определен как «чужой мир в авантюрном времени». Это не что иное, как воспроизведение первичной мифологемы «культурного героя», обустраивающего мир.

Народная культура, исследованная на материале романа Ф. Рабле, основана на хронотопе актуально-бессмертного рождающе-умирающе-воскресающего огромного космического Тела. Телесность здесь понята радикально, то есть в ее самых далеких от сферы «чистого духа» жизненных символах — в символике «материально-телесного низа». И вот, оказывается, что и в этой символике, — в ее подлинном, глубинном смысле — нет ничего, кроме вселенской мистерии победы над смертью, кроме единой причастности смысловому Первособытию: Жизнь — Смерть — Воскресение¹⁷.

Эту универсальную метафизическую модель культуры М. М. Бахтин называет «основными элементами древнего фольклорного комплекса», которые затем воспроизводятся и на более поздних стадиях культуры, но уже в своих вторичных символических формах. Так, в «Сатириконе» Петрония во вставной новелле «О целомудренной эфесской матроне», как пишет М. М. Бахтин, даны все основные элементы древнего фольклорного комплекса, «основные звенья классического ряда»: «гроб — молодость — еда и питье — смерть — совокупление — зачатие новой жизни — смех. Коротенький сюжет этот — непрерывный ряд побед жизни над смертью: жизнь торжествует здесь над смертью четыре раза — радости жизни (еды, питья, молодости, любви) торжествуют над мрачным отчаянием и жадной смерти вдовы, еда и питье как обновление жизни у трупа покойника, зачатие новой жизни у гроба (совокупление), спасение от смерти легионера путем распятия трупа»¹⁸.

Исследование М. М. Бахтина
«Творчество Франсуа Рабле и народная
культура Средневековья и Ренессанса»,
посвященное смеховой культуре.
Издание 1990 г.

¹⁶ Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе*. С. 342.

¹⁷ См.: Даренский В. Ю. *Соборное народное тело как орган духовного познания в культурологии М. М. Бахтина* // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 4 (12). С. 5–15.

¹⁸ Там же. С. 398.

Этот «древний фольклорный комплекс» полностью забывается уже в сугубо светской литературе с ее вырожденными хронотопами «идиллии» и «циклического бытового» — «липкого, ползущего в пространстве времени» (такой тип хронотопа господствует в современной «пост-литературе»).

В ответ на мнение великой пианистки и ревностной христианки М. В. Юдиной, заявившей, что книгу М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле» христианин иметь у себя дома не имеет права¹⁹, С. С. Аверинцев справедливо писал о том, что смеховая культура, исследованная М. М. Бахтиным — это некое естественное противостояние злу, не противоречащее евангельскому идеалу, а скорее являющееся своего рода предпосылкой для его принятия (т.е. это то естественное откровение о победе над смертью, которое помогало вчерашним язычникам уверовать в воскресшего Христа). По замечанию С. С. Аверинцева, «предание, согласно которому Христос никогда не смеялся... представляется достаточно логичным и убедительным. В точке абсолютной свободы смех невозможен, ибо излишен»²⁰. Но для человека в состоянии его порабощенности первоуродным грехом смех — это та «естественная» школа преодоления страха и уныния, которая готовит нас к принятию Евангелия.

Исходной философской темой М. М. Бахтина была онтологическая избыточность человека — «правое безумие принципиального несовпадения с самим собою», вследствие чего он «живет изнутри себя надеждой и верой в свое несовпадение с собой, в свое смысловое предстояние себе, и в этом жизнь безумна с точки зрения своей личности, ибо эти вера и надежда с точки зрения их наличного бытия ничем не обоснованы... Отсюда эти вера и надежда носят молитвенный характер... И во мне самом это безумие веры и надежды остается последним словом моей жизни»²¹.

Есть у М. М. Бахтина и прямые высказывания по гносеологической проблематике. Так, он отмечает: «Предел — мысль в Боге в присутствии Бога, диалог, вопрошание, молитва... Самораскрывающееся бытие не может быть вынуждено и связано. Оно свободно и потому не предоставляет никаких гарантий. Поэтому здесь познание ничего не может нам подарить и гарантировать»²².

Это уже предельный хронотоп вечности, данной в каждом мгновении человеческой жизни. Исследование типов художественного хронотопа — это, в конечном счете, анализ типов причастности к сакральному содержанию человеческого бытия. Диалог самоценных личностных «миров» Я и Ты (но с неизбывным «абсолютным Третьим» над ними), показанный на примере художественного мира Достоевского, — есть не что иное, как отражение Бого-человеческих отношений в хронотопе русского романа. Диалог самоценных личностных миров — это путь открытости вечному Собеседнику.

Источники и литература

1. Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин: pro et contra. Т. 1 / Сост. К. Г. Исупов. СПб.: РХГИ, 2001. С. 468–483.

2. М. М. Бахтин как философ / С. С. Аверинцев, Ю. Н. Давыдов, В. Н. Турбин и др. М.: Наука, 1992. 256 с.

3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 69–262.

¹⁹ Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 8.

²⁰ Аверинцев С. С. Бахтин, смех, христианская культура // М. М. Бахтин: pro et contra. Т. 1 / Сост. К. Г. Исупов. СПб.: РХГИ, 2001. С. 472.

²¹ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Его же. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. С. 197.

²² Неподцензурный текст; цит. по: Кожин В. В. Великий творец русской культуры XX века // Его же. Победы и беды России. М.: Эксмо, 2002. С. 353–354.

4. Бахтин М. М. Дополнения и изменения к «Рабле» // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 4 (1). М.: Языки славянской культуры, 2008. С. 681–732.
5. Бахтин М. М. К переработке книги о Достоевском // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 326–346.
6. Бахтин М. М. К философии поступка // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 7–68.
7. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 340–503.
8. Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 560 с.
9. Бонецкая Н. К. Бахтин как философ. Поступок, диалог, карнавал. СПб.: Алетейя, 2023. 551 с.
10. Даренский В. Ю. Онтологические «шифры» философии диалога М. М. Бахтина // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. Вып. 1. С. 122–134.
11. Даренский В. Ю. Соборное народное тело как орган духовного познания в культурологии М. М. Бахтина // Наука. Искусство. Культура. 2016. Вып. 4 (12). С. 5–15.
12. Даренский В. Ю. Трансформация феноменологического метода в традиции «философии диалога» // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Философия. Филология. 2019. № 1 (25). С. 112–124.
13. Кожин В. В. Великий творец русской культуры XX века // Кожин В. В. Победы и беды России. М.: Эксмо, 2002. С. 341–366.
14. Малахов В. А. Постонтология, или Как возможна ныне философия духа? // Международные чтения по теории, истории и философии культуры. № 10: Интеллект, воображение, интуиция: размышления о горизонтах сознания (метафизический и психологический опыт. СПб.: Эйдос, 2001. С. 19–31.
15. Маковцев В. С. Философия позднего М. М. Бахтина. Историко-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук. М., 2023. 28 с.
16. Махлин В. Л. «Диалогизм» М. М. Бахтина как историко-философская проблема // Бахтинский вестник. 2022. № 2 (8). С. 16–28.
17. Политов А. В. Онтологический смысл понятия хронотопа: монография. Пермь: Изд-во Перм. политехн. ун-та, 2019. 207 с.
18. Тмарченко Н. Д. «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская религиозная философия. М.: РГГУ, 2001. 200 с.
19. Тмарченко Н. Д. «Эстетика словесного творчества» М. М. Бахтина и русская философско-филологическая традиция. М.: Изд-во Кулагиной, 2011. 400 с.